

Джеймс Барри

Крайтон Великолепный

Джеймс Мэтью Барри

Крайтон Великолепный

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22484105*

Крайтон Великолепный:

Аннотация

«Перед тем, как поднимается занавес Эрнест Вулли подъезжает к дому Лоума в Мейфэр. На его симпатичном лице играет улыбка, как бывает всегда, когда он думает о себе, но, с другой стороны, он крайне редко думает о чем-то другом. Вероятно, больше всего Эрнест любит те мгновения, когда просыпается утром и обнаруживает, что он действительно Эрнест, потому что мы все хотим быть нашим идеалом. Мы можем представить себе, как он поднимается с кровати и ждет, пока все остальное сделает за него слуга. Одет он с отменным вкусом, может, чуть с этим перебарщивает, показывая тем самым, что не лишен чувства юмора...»

Содержание

Действующие лица:	4
Действие первое. Дом лорда Лоума, Мейфэр[2].	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джеймс Барри

Крайтон Великолепный

Действующие лица:

Лорд ЛОУМ

Леди МЭРИ, его старшая дочь

Леди КЭТРИН, его средняя дочь

Леди АГАТА, его младшая дочь

ЭРНЕСТ ВУЛЛИ, его племянник

КРАЙТОН, дворецкий

ТВИНИ¹, служанка, помогающая на кухне

ТРИЭРН, священник

Лорд БРОКЛХОРСТ

Леди БРОКЛХОРСТ

Слуги:

миссис Перкинс

мсье Флэри

мистер Роллстон

мистер Томпсетт

мисс Фишер

мисс Симмонс

¹ Твини – от английского слова tweeny (служанка, помогающая кухарке или горничной).

мадемуазель Жанна

Томас

Джон

Джейн

Глейдис

Мальчик с конюшни

Паж

Действие первое. Дом лорда Лоума, Мейфэр².

Перед тем, как поднимается занавес Эрнест Вулли подъезжает к дому Лоума в Мейфэр. На его симпатичном лице играет улыбка, как бывает всегда, когда он думает о себе, но, с другой стороны, он крайне редко думает о чем-то другом. Вероятно, больше всего Эрнест любит те мгновения, когда просыпается утром и обнаруживает, что он действительно Эрнест, потому что мы все хотим быть нашим идеалом. Мы можем представить себе, как он поднимается с кровати и ждет, пока все остальное сделает за него слуга. Одет он с отменным вкусом, может, чуть с этим перебарщивает, показывая тем самым, что не лишен чувства юмора. Эрнест недавно закончил Кембридж. Он – холостяк, любимец женщин, сочиняет афоризмы. В ресторанах – почти что знаменитость, часто там обедает, потом возвращается на ужин. За последний год, наверное, заплатил гардеробику за право взять у него шляпу больше, чем стоит аренда квартиры работающему человеку. Парень он умный. Обычно плывет по течению, но может и взбрыкнуть, отстаивая свои убеждения, если это необходимо. Но предпочитает, чтобы стычка длилась недолго (в затяжном сра-

² Мейфэр – фешенебельный район лондонского Уэст-Энда.

жизни он обречен на поражение). Характер у него легкий, он быстро принимает новые условия игры, но радостно возвращается к прежним. Эгоистичность – самая милая его черта. Будь его воля, он бы всю жизнь был домашним котом, который до старости выталкивает всех из теплых местечек, и при этом его всегда и все гладят по шерстке.

Он отдает шляпу одному лакею, трость – другому. Поднимается по лестнице, никем не сопровождаемый. Он – племянник хозяина, так что ему нет нужды представляться даже Крайтону, который охраняет парадную дверь.

Описывать Крайтона – дурной тон, потому что он, пусть и дворецкий, но всего лишь слуга. Во всех приличных домах сказали бы: «Фи!» – узнав, что именно он будет главным действующим лицом. Мы ничем не собираемся ему помогать. Нам уже не по себе, с того самого момента, как его имя появилось в названии пьесы, и мы, насколько возможно, не позволим ему оказаться в центре внимания. И пусть он нам небезразличен, не стать ему героем в одеждах слуги. И как он любит эту одежду! Как же нам его от них избавить? Тут без катаклизма не обойтись. Для Крайтона быть слугой – знак доблести. А уж стать дворецким в тридцать лет – реализация самых честолюбивых замыслов. Он очень привязан к своему хозяину, у которого, по его разумению, есть только один недостаток: лорд Лоум недостаточно презрителен к тем, кто стоит на социальной лестнице ниже него. И мы сразу поведем речь об этом

самом недостатке великого пэра.

Наш идеальный дворецкий открывает дверь, вводит Эрнеста в одну из комнат. И тут же в этой комнате поднимается занавес: представление начинается.

Это одна из гостиных дома Лоума. Не самая роскошная, но и не затрапезная, в теплый день здесь приятно провести время. Есть в доме гостиные более просторные, величественные, лишенные мебели и ковров, в них приходится оставаться на ногах. Там собираются с какими-то благотворительными целями, они пользуются успехом после званых обедов: если вы, открыв дверь, зайдете туда, то окажетесь в полном одиночестве, не считая парочки в дальнем углу.

А вот эта гостиная, наоборот, не поражает размерами и очень уютная. Везде так много подушек. Возникает вопрос: а зачем? Если вы – посторонний, откуда вам знать, что требуется шесть подушек, чтобы устроить голову с максимумом удобств. Диваны, по существу, те же подушки, и широкие, как кровати. Существует целое искусство: утонуть в них, а потом звать на помощь. Подняться самому нет никакой возможности. На стенах несколько знаменитых картин, о которых можно сказать: «Красиво, однако», – не опасаясь, что вас заподозрят в излишней учености, но дочери хозяина не знают, что это за картины и кто их написал. «Где-то есть каталог», – вот что они вам скажут. В вазах тысячи роз, на столиках – несколько романов, на одном – аккуратно сложенные иллюстрированные еже-

недельные газеты лежат, будто упавшие друг на друга убитые солдаты. Если кто-то разваливает эту стопку еженедельников, Крайтон мгновенно это чувствует, где бы он ни находился, подходит и заменяет выбывшего. Что необычного в этой комнате, так это чайные принадлежности, и в большом количестве. Эрнест их сразу же замечает, его губы расплываются в улыбке, в голове тут же складывается афоризм. Он, однако, не сразу наносит разящий удар.

ЭРНЕСТ. Как я понимаю, Крайтон, исходя из обилия чашек, великое событие состоится здесь.

КРАЙТОН (со вздохом). Да, сэр.

ЭРНЕСТ (с бессердечным смехом). Слуги поднимутся в эту гостиную, чтобы выпить чая (с жутким сарказмом). Не удивительно, что вы выглядите таким счастливым, Крайтон.

КРАЙТОН (обреченно). Увы, сэр.

ЭРНЕСТ. Знаете, Крайтон, счастья на вашем лице хорошо бы прибавить. Вы не одобряете общение его светлости со своими слугами на равных... раз в месяц?

КРАЙТОН. Не мое дело, сэр, одобрять или не одобрять радикальные взгляды его светлости.

ЭРНЕСТ. Разумеется. Но, в конце концов, он только раз в месяц видит в вас равного.

КРАЙТОН. В остальные дни месяца, сэр, его светлость ведет себя с нами, как положено.

ЭРНЕСТ (вот он, афоризм). Чайные чашки! Жизнь,

Крайтон, та же чайная чашка. Чем быстрее мы пьем, тем раньше добираемся до спитых чаинок.

КРАЙТОН (*внимая с почтением*). Благодарю вас, сэр.

ЭРНЕСТ (*доверительно, как бывает, когда требуется союзник*). Крайтон, на случай, что мне придется сказать слугам несколько слов, я приготовил короткую речь (*сует руку в карман*). И вот думаю, а где бы мне встать?

Он примеряется к разным местам, принимает разные позы, наконец, наклоняется над спинкой высокого стула, готовясь обратиться к собравшимся. КРАЙТОН, с лучшими намерениями, дает ему скамеечку для ног и уходит, к счастью, не став свидетелем того, что Эрнест, обидевшись, пинком отшвыривает скамеечку.

ЭРНЕСТ (*обращаясь к воображаемой аудитории с желанием сразу потрясти слушателей*). Представьте себе, что вы все – маленькие рыбки на дне моря...

Не нравится ему трибуна, причем он уверен, что виновата высокая спинка стула, а не его маленький рост. Приходит к выводу, что идея КРАЙТОНА – не из худших. Он идет за скамеечкой, поднимает ее, но торопливо прячет за спину, потому что входят леди КЭТРИН и АГАТА, дочери хозяина дома. КЭТРИН – двадцать, АГАТА на два года моложе. Обе – модные молодые женщины, которые могли бы проснуться ради танцев, но они очень ленивы. И КЭТРИН на два года ленивее АГАТЫ.

ЭРНЕСТ (*неловко, потому что мешает спрятанная за*

спину скамеечка). Как поживают сегодня мои маленькие подружки?

АГАТА (*стремясь побыстрее добраться до дивана*).

Не задавай глупых вопросов, Эрнест. Если тебя интересует наше самочувствие, считай, что мы умерли. Даже сама мысль о том, что придется разливать чай, выматывает ужасно.

КЭТРИН (*усаживаясь на диван, который стоит ближе к двери*). Кроме того, мы должны решить, какие платья брать на яхту, а эта работа требует огромного умственного напряжения.

ЭРНЕСТ. Перетрудившиеся бедняжки (*вероятно, АГАТА его фаворитка, потому что он помогает ей положить ноги на диван, тогда как КЭТРИН приходится все делать самой*). Дайте отдых вашим усталым ножкам.

КЭНТИН (*возможно, из мести*). А почему у тебя в руках скамеечка для ног?

АГАТА. Да, почему?

ЭРНЕСТ. Почему? (*Ответ блестящий, но, будьте уверены, ему пришлось его поискать*). Раз уж слуги сегодня будут гостями, я должен стать дворецким. Практикуюсь. Это поднос, видите ли.

Держа скамеечку для ног, как поднос, он проплывает по гостиной, как опытный слуга. Боги к нему благосклонны, потому что в этот момент входит леди МЭРИ, и он словно приносит ей на подносе чашку чая.

ЭРНЕСТ. Чай, миледи?

Леди МЭРИ – очаровательное создание двадцати двух лет от роду, и красота эта от природы, вот и вызывает как злость, так и зависть сестер. При необходимости она может заставить любого почувствовать себя полным ничтожеством, хлебной крошкой, которую вот-вот смахнут со стола. К этому радикальному средству она прибегает редко, потому что нужно напрягаться. Обычно просто показывает человеку, что от него у нее устали глаза. Частенько она словно засыпает посреди фразы. Пауза получается долгая, нагоняющая тревогу, а потом она продолжает, как часы, которые выдерживали паузу перед очередным ударом.

МЭРИ (изогнув брови). Это всего лишь ты, Эрнест. Я думала, пришел кто-то еще (устраивается на диване).

ЭРНЕСТ (с легкой обидой, поставив табуретку на пол). И у тебя, Мэри, выдался утомительный день.

МЭРИ (зевая). Не то слово. Все утро выбирали обручальное кольцо.

ЭРНЕСТ (он обожает сплетни, как старейший член клуба). Кто он? (Обращаясь к АГАТЕ). Лорд Броклхорст? (Энергичная АГАТА кивает). Ты отдаешь ему свое юное сердечко? (Леди МЭРИ не воспринимает его юмор, но он храбро продолжает). Не хочу утомлять, тебя, Мэри, но, тем не менее, настаиваю на ответе. Готов удовлетвориться простым «да» или «нет». Уж на это у тебя должно хватить сил. (Леди МЭРИ

поднимает руку, на самом важном пальчике которой сверкает кольцо). Кольцо! Значит, я опоздал, опоздал! (*Сверлит леди МЭРИ взглядом, как прокурор*). Позволь спросить, Мэри, а Броки знает? Разумеется, все это проделки его ужасной мамы. Она делает за Броки все. Однако, в глазах закона, ты станешь его женой – не ее, вот я и считаю, что Броки нужно поставить в известность. Поэтому... (*тут он замечает, что глаза всех сестер закрыты*). Если вы заснули в ожидании, что я разбужу вас, как принято будить спящих красавиц, даже не надейтесь.

КЭТРИН и АГАТА молча открывают глаза.

ЛЭДИ МЭРИ (не открывая глаза). Нахал.

ЭРНЕСТ (торопливо достает из колчана еще один афоризм). Я знаю, каково это, хотя знаю не все. Агата, я не так молод, чтобы знать все.

Он с надеждой переводит взгляд с одной на другую, но сестры, пусть и стараются, не могут постичь глубины его мысли.

АГАТА (его тайная поклонница). Не так молод?

ЭРНЕСТ (поощряющее). Разве ты не понимаешь? Не так молод, чтобы знать все.

АГАТА. Я уверена, это очень глубокая мысль, но такая загадочная.

КРАЙТОН вводит в комнату атлетически сложенного, симпатичного молодого священника, мистера ТРИЭРНА, который со всеми здоровается.

КЭТРИН. Эрнест, повтори эту фразу мистеру Триэрну.

ЭРНЕСТ. Послушайте, Триэрн, я не так молод, чтобы знать все.

ТРИЭРН. И что вы хотите этим сказать, Эрнест?

ЭРНЕСТ (*начинает раздражаться*). Только то, что ска зал.

ЛЕДИ МЭРИ. Скажите еще раз, только медленнее.

ЭРНЕСТ. Я... не... так... молод... чтобы... знать... все.

ТРИЭРН. Понимаю. Вы хотели сказать, мой мальчик, что вы не такой старый, чтобы знать все.

ЭРНЕСТ. Нет, не хотел.

ТРИЭРН. Я уверен, что хотели.

ЛЕДИ МЭРИ. Ну, разумеется.

КЭТРИН. Да, Эрнест, речь же об этом.

ЭРНЕСТ (*в отчаянии взывает к КРАЙТОНУ*). Я не так молод, Крайтон, чтобы знать все.

Неловкий момент, но, наконец-то из КРАЙТОНА удается выжать улыбку.

КРАЙТОН. Благодарю вас, сэр (*он уходит*).

ЭРНЕСТ (*с облегчением*). Будь у вас такая же голова, как у этого парня. Триэрн, вы бы нашли себе более интересное занятие, чем игра в крикет. Я слышал, вы гоняете шар головой.

ТРИЭРН (*с присущим священнику смирением*). Боюсь, крикет – это все, на что я способен.

КЭТРИН (*она думает, что у ТРИЭРНА божественный нос*). Разумеется, нет. Вы далеко пойдете, мистер Триэрн.

ТРИЭРН. Благодарю вас, леди Кэтрин.

КЭТРИН. Это слова епископа. Он сказал, что в Англии священник, у которого такая подача, пойдет очень далеко.

ТРИЭРН. Рад это слышать.

Входит хозяин дома в сопровождении лорда БРОКЛХОРСТА. Граф ЛОУМ – вдовец, филантроп, носитель прогрессивных идей. Будучи вдовцом, он, по крайней мере, имеет право до некоторой степени вмешиваться в домашние дела, скажем, заглядывать в ящики, а такое желание было у него всю жизнь. Филантропия открыла для него множество других ящиков, а прогрессивные идеи привели к ожирению. Он выписывает все ежемесячники, но не читает их, а складывает, полагая, что этого достаточно. Он пишет письма в газеты, которые их публикуют, набирая шрифтом, который он считает достойным себя, и негодует, если тем же шрифтом набирают другие публикации. Пусть законы и знания обратятся в ничто, пусть умрут искусство и торговля, но этот шрифт оставьте для интеллектуальной аристократии! На его примере можно увидеть, какой станет палата лордов, если ее когда-нибудь реформируют.

Молодой лорд БРОКЛХОРСТ – пустое место, если не считать титула. Таких, как он, можно встретить по десять на день на Пиккадилли, покупающих носки или их продающих.

ЛОРД ЛОУМ (*оживленно*). Ты уже здесь, Эрнест? Готов к отплытию, Триэрн?

ТРИЭРН. Жду с нетерпением.

ЛОРД ЛОУМ. Это правильно (*своих домашних он гоняет, как цыплят*). А теперь, Мэри, поднимайся, и за дело! Пора принимать слуг. Они это так любят.

МЭРИ. Они этого терпеть не могут.

ЛОРД ЛОУМ. Мэри, выполняй свои обязанности (*и строго указывает на стол с чайными принадлежностями*).

ЭРНЕСТ (*подмигивая*). Поздравляю, Броки.

ЛОРД БРОКЛХОРСТ (*юмор он презирает*). Благодарю.

ЭРНЕСТ. Маменька довольна?

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. Мама очень довольна.

ЭРНЕСТ. Это хорошо. Плынешь с нами на яхте?

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. К сожалению, нет. И послушай, Эрнест, я не хочу, чтобы меня называли Броки.

ЭРНЕСТ. Маменьке не нравится?

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. Не нравится.

Он отходит от ЭРНЕСТА, который сразу о нем забывает и начинает обдумывать свою речь.

Входит КРАЙТОН.

ЛОРД ЛОУМ (*обращаясь к нему, как к равному*). Мы готовы, Крайтон (*на лице КРАЙТОНА написано страдание*).

ЛЕДИ МЭРИ (*саркастически*). Как Крайтону все это нравится!

ЛОРД ЛОУМ (*хмурясь*). Он – единственный, кому не нравится. Мне его жаль.

КРАЙТОН (*страдаая от того, что вызывает неудовольствие своего господина*). Ничего не могу с собой поделать. Я

— консерватор, милорд.

ЛОРД ЛОУМ. Будьте человеком, Крайтон. Вы созданы из той же плоти и крови, что и я.

КРАЙТОН (*кривится, как от боли*). Ох, милорд.

ЛОРД ЛОУМ (*резко*). Приглашайте их. Между прочим, в прошлый раз собрались не все.

КРАЙТОН. Все, милорд, за исключением уж самой мелкой сошки.

ЛОРД ЛОУМ. Должны приходиться все. И помните, Крайтон, на это время вы мне равный. (*Резко*). Иначе очень скоро я покажу тебе, что это не так. Делай, что говорят.

КРАЙТОН удаляется, чтобы повиноваться его светлости. ЛОРД ЛОУМ не знает жалости к дочерям, пускает в ход ужасные угрозы.

ЛОРД ЛОУМ. Девочки, помните, никакого пренебрежения. Первая, кто выкажет пренебрежение, будет декламировать стихи. Между прочим, Броклхорст, вы можете что-то сделать?

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. В каком смысле?

ЛОРД ДОУМ. Что-нибудь такое с пенни или носовым платком? Заставить их исчезнуть.

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. Господи, да нет же!

ЛОРД ЛОУМ. Жаль. Каждый из нас, высокорожденных, должен уметь что-то делать. Эрнест, я, вероятно, попрошу тебя сказать несколько слов. Что-нибудь яркое, остроумное.

ЭРНЕСТ. Но, дорогой дядя, я не готовился.

ЛОРД ЛОУМ. Экспромт очень даже подойдет.

ЭРНЕСТ. Э... хорошо... если меня осенит.

Ненавязчиво ставит скамеечку за стул.

Появляется КРАЙТОН, начинает объявлять гостей.

Первая из них – домоправительница.

КРАЙТОН (с неохотой). Миссис Перкинс.

ЛОРД ЛОУМ (*пожимает руку*). Очень признателен. Миссис Перкинс. Мэри, это наша добрая знакомая, миссис Перкинс.

ЛЕДИ МЭРИ. Добрый день, миссис Перкинс. Не присядете ли здесь?

ЛОРД ЛОУМ (*угрожающе*). Агата!

АГАТА (*торопливо*). Добрый день. Не присядете ли здесь?

ЛОРД ЛОУМ (*представляет*). Лорд Броклхорст... моя добрая знакомая, миссис Перкинс.

Лорд БРОКЛХОРСТ кланяется и пятится. Ему не остается ничего другого, как обратиться за помощью к ЭРНЕСТУ.

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. Ради Бога, Эрнест, не оставляй меня ни на секунду. Все это в высшей степени противоречит моим жизненным принципам.

ЭРНЕСТ (*небрежно*). Держись за меня, Броки, и я тебя вытащу.

КРАЙТОН. Мсье Флэри.

ЭРНЕСТ. Шеф-повар.

ЛОРД ЛОУМ (*пожимает руку шеф-повару*). Очень рад видеть вас, мсье Флэри.

ФЛЭРИ. Премного вам благодарен.

ФЛЭРИ кланяется АГАТЕ, которая не слишком дружелюбна.

ЛОРД ЛОУМ (*предупреждаяще*). Агата... стихи!

Она дергает головой, но тут же находит стул для мсье Флэри и ставит перед ним чашку чая. ТРИЭРН и ЭРНЕСТ ходят по гостиной, улыбаются. Леди МЭРИ разливает чай.

КРАЙТОН. Мистер Роллстон.

ЛОРД ЛОУМ (*пожимая руку своему личному слуге*). Как поживаете, Роллстон?

КЭТРИН усаживает мистера Роллстона, подает ему чай.

КРАЙТОН. Мистер Томпсетт.

Томпсетта, кучера, принимают с таким почетом, что он весь сжимается.

КРАЙТОН. Мисс Фишер.

Эта неземное существо – служанка леди МЭРИ, и даже лорд ЛОУМ немного нервничает.

ЛОРД ЛОУМ. Рад, что вы оказали нам честь, мисс Фишер.

ЭРНЕСТ (*решительно*). Если позволите, я поухаживаю за мисс Фишер (*и уводит ее к столу*).

КРАЙТОН. Мисс Симмонс.

ЛОРД ЛОУМ (*обращаясь к служанке КЭТРИН*). Добро

пожаловать, мисс Симмонс.

ЭРНЕСТ (*возможно, чтобы пробудить ревность в мисс Фишер*). Наконец-то мы встретились. Не изволите присесть?

КРАЙТОН. Мадемуазель Жанна.

Служанке АГАТЫ находят место, и все вроде бы хорошо, но хозяин дома полагает, что его дочери недостаточно обходительны. Он хмуро смотрит на леди МЭРИ.

ЛЕДИ МЭРИ (*в тревоге*). Мистер Триэрн, это Фишер. Моя служанка.

ЛОРД ЛОУМ (*резко*). Твоя кто, Мэри?

ЛЭДИ МЭРИ. Моя подруга.

КРАЙТОН. Томас.

ЛОРД ЛОУМ. Как поживаешь, Томас?

Первый лакей с неохотой пожимает протянутую руку.

КРАЙТОН. Джон.

ДОРД ЛОУМ. Добрый день, Джон.

ЭРНЕСТ отходит от лорда БРОКЛХОРСТА, который бросается за ним.

ЭРНЕСТ (*представляет*). Броклхорст, это Джон. Думаю, ты уже познакомился с ним у входной двери.

КРАЙТОН. Джейн.

Она заходит, пряча руки под фартук.

ЛОРД ЛОУМ (*унямо*). Позвольте пожать вашу руку, Джейн.

КРАЙТОН. Глейдис.

ЭРНЕСТ. Добрый день, Глейдис. Вы знакомы с моим дя-

дей?

ЛОРД ЛОУМ. Вашу руку, Глейдис.

Он отводит ее к АГАТЕ.

КРАЙТОН. Твини.

Она – забитая и испуганная кухонная служка, которую нам еще предстоит увидеть. У нее даже нет имени.

ЛОРД ЛОУМ. Очень рад вас видеть.

ФИШЕР. Джон, я видела, как ты говорил с лордом Брокхорстом. Представь меня ему.

ЛОРД БРОКЛХОРСТ *(одновременно обращаясь к ЭРНЕСТУ)*. Какая на удивление красивая девушка. Если уж я должен кого-то угощать чаем, пусть это будет она.

ЭРНЕСТ пытается увести его от ФИШЕР, когда они уже готовы обменяться рукопожатием.

ЭРНЕСТ. Нет, нет, так не пойдет, Броки. *(Обращаясь к ФИШЕР)*. Вы слишком красивы, дорогая моя. Его маменьке это не понравится. *(Оглядывается, замечает ТВИНИ)*. Вот с ней ты будешь в безопасности. Милая девушка, Броки, и ей не терпится познакомиться с тобой. Позвольте вас представить. Твини, это лорд Брокхорст. Лорд Брокхорст, это Твини.

БРОКЛХОРСТ смиряется со своей судьбой, но все равно поглядывает на ФИШЕР и, возможно, из этого что-то выйдет.

ЛОРД ЛОУМ *(строго)*. Здесь не все, Крайтон.

КРАЙТОН *(со вздохом)*. Вот и оставшиеся.

Входят мальчик, который чистит конюшню, и паж³. В первый момент никто из дочерей не спешит им навстречу.

ЛОРД ЛОУМ (*грозно глянув на них*). Кто будет декламировать?

Теперь все слуги в сборе.

ЛОРД ЛОУМ (*обращаясь к ТОМПСЕТТУ, с которым пьет чай*). Дома все в порядке?

ТОМПСЕТТ. Разумеется, милорд, если вы спрашиваете о лошадях.

ЛОРД ЛОУМ. Нет, нет, я про вашу семью. Как малыш?

ТОПСЕТТ. Растет, милорд.

ЛОРД ЛОУМ. Отличный мальчик. Помнится, я так и сказал, когда увидел его. Отличный мальчик.

ТОМПСЕТТ (*не зная, что и делать*). Извините, милорд, это девочка.

ЛОРД ЛОУМ. Девочка? Ага... ха-ха! Именно так я и сказал. Помню смутно, но вроде бы сказал: «Будет девочка».

КРАЙТОН входит в гостиную.

ЛОРД ЛОУМ. Рад видеть вас, Крайтон. (*КРАЙТОНУ приходится пожать руку лорду ЛОУМУ*). Мэри, ты знакома с мистером Крайтоном? (*И отходит в поисках новой жертвы*).

ЛЕДИ МЭРИ. С молоком и сахаром, мистер Крайтон?

КРАЙТОН. Мне стыдно, что все видят, как я разговариваю с вами, миледи.

³ Паж – в данном контексте мальчик-слуга.

ЛЕДИ МЭРИ. Для такого идеального слуги, как вы, это выглядит верхом неприличия. (*КРАЙТОН слишком уважает леди МЭРИ, чтобы ответить*). Но, пожалуйста, говорите со мной, или мне придется декламировать стихи. Вам все это противно, не так ли?

КРАЙТОН. Мне больно, миледи. Эти чаепития разрушают этикет в столовой для слуг. Паж, проникнувшись идеями равенства, назвал меня Крайтоном. Его примерно наказали.

ЛЕДИ МЭРИ. Но скажите... мне действительно интересно... почему вы остаетесь у нас?

КРАЙТОН. У меня возникло бы желание подать заявление об уходе, если бы его светлость не заседал в Верхней палате. Я этим горжусь.

ЛЕДИ МЭРИ. Пожалуйста, продолжайте говорить. Рас толкуйте, в чем смысл фразы Эрнеста: «Я не так молод, чтобы знать все».

КРАЙТОН. Понятия не имею, миледи.

ЛЕДИ МЭРИ. Но вы же улыбнулись.

КРАЙТОН. Он – второй сын пэра.

ЛЕДИ МЭРИ. Действительно, этим многое объясняется. У вас доброе сердце, Крайтон.

ЛОРД БРОКЛХОРСТ (*в отчаянной попытке поддержать разговор с ТВИНИ*). А теперь скажите мне, вы бывали в опере? А какая погода обычно у вас на кухне? (*с губ Твини срываются нечленораздельные звуки*). Ради Бога, женщина, скажите, хоть что-нибудь.

КРАЙТОН (*продолжая разговор с леди МЭРИ*). Нет, миледи. Его светлость может принудить нас к равенству в этой или любой другой гостиной, но в той части дома, что отведена слугам, никакого равенства не будет.

ЛОРД ЛОУМ (*подслушав*). Это еще что? Никакого равенства? Неужели вы не видите, Крайтон, что наше разделение на классы искусственно, что при возвращении к природе, а это мечта всей моей жизни, мы все станем равными?

КРАЙТОН (*превозмогая себя*). Если я посмею возразить вашей светлости...

ЛОРД ЛОУМ. Продолжайте.

КРАЙТОН. В разделении на классы и сословия нет ничего искусственного. Они – естественный продукт цивилизованного общества. (*Обращаясь к леди МЭРИ*). В любом цивилизованном обществе должны быть хозяева и слуги, миледи, потому что это естественно. А раз естественно, значит верно.

ЛОРД ЛОУМ (*морщась*). Для меня совершенно неестественно стоять здесь, позволяя тебе нести всякую чушь.

КРАЙТОН (*с жаром*). Совершенно верно, милорд. Именно эту мысль я и стремлюсь донести до вашей светлости.

АГАТА (*обращаясь к КЭТРИН*). Что это с Фишер? Она рвет и мечет.

КЭТРИН. С этой занудой? Полагаю, какое-то нарушение этикета. (*Она плывет к ФИШЕР*). Что-то не так, Фишер?

ФИШЕР (*дергая головой*). Все хорошо, миледи, все очень

хорошо.

АГАТА. Дорогая, в чем дело?

ФИШЕР (с обидой). Его светлость предложил этой кухонной девке вторую чашку чая.

АГАТА. А почему нет?

ФИШЕР. Если его светлости нравится предлагать вторую чашку чая, он мог бы предложить ее мне.

АГАТА. Так вот в чем проблема. Вы хотите еще чая, Фишер?

ФИШЕР. Нет, миледи, но мое положение... чай, прежде всего, следовало предложить мне.

АГАТА. Ах, бедняжка.

Все это занимает время, и к этому моменту гостям, которые с самого начала чувствовали себя неудобно, уже не до еды и питья. Но они знают, что впереди еще один номер программы – ежемесячная речь его светлости. Все ожидают ее с тяжелым чувством, особенно слуги, которые в прошлый раз аплодировали не там, где следовало, и дочери, потому что в позапрошлый раз хозяин дома прошелся по ним. ЭРНЕСТ раздражен тем, что ему придется выслушивать речь дядюшки, хотя его речь гораздо лучше. БРОКЛ-ХОРСТ предчувствует деградацию самого института лордства. Все думают только о себе, за исключением КРАЙТОНА, который знает слабость своего хозяина и боится, как бы тот не «заглох» на середине речи, забыв вторую ее половину. Лорд ЛОУМ, однако, радостно движется к краю про-

пасти. Он видит скамеечку для ног, поставленную ЭРНЕ-СТОМ позади стула, и встает на нее, вызывая тем самым естественное негодование племянника. Три леди поджимают губки, слуги опускают головы, хозяин дома обращается к собравшимся.

ЛОРД ЛОУМ. Друзья мои. Мне радостно видеть, что все так счастливы. Некоторые скептики предсказывали, что подобные встречи будут для многих неприятны. Разве они неприятны? Я слышу, как вы смеетесь при этом вопросе.

Ранее он их не слышал, но слышит теперь, и наблюдательный КРАЙТОН подает пример остальным.

ЛОРД ЛОУМ. Не вижу никакого вреда в том, чтобы сказать: до этого дня среди нас были те, кто враждебно относился к самой идее таких встреч, но сегодня эти люди признали свою неправоту. Я смотрю на лорда Броклхорста и не сомневаюсь, он скажет мне, что будет более чем удовлетворен, если для очаровательной дамы, которая сидит рядом с ним, его компания так же приятна, как ему – ее. *(Все смотрят на Твини, которую аж трясет).* На некоторое время все искусственные и неестественные барьеры *(смотрит на КРАЙТОНА, который чуть кланяется)* снесены. И очень хочется разрушить их навечно.

Паж громким криком приветствует слова лорда ЛОУМА, и это единственный знаменательный момент его жизни. Он вырастет, женится, но более его никто не услышит.

ЛОРД ДОУМ. Но, боюсь, в реальной жизни такое пока невозможно. И вы знаете, что на несколько ближайших месяцев нас ждет разлука. Мои дочери, мистер Эрнест и мистер Триэрн будут сопровождать меня в путешествии на яхте, в дальние уголки Земли. Менее чем через сорок восемь часов мы выйдем в море.

(Если бы не пристальный взгляд КРАЙТОНА, паж опять подал бы голос).

ЛОРД ЛОУМ. Не думайте, что наша жизнь на яхте будет одним долгим праздником. Всем хорошо известно, что я думаю о чрезмерной роскоши нынешних дней. И я решил, что слова у меня не должны расходиться с делом. В этом путешествии у моих дочерей будет одна служанка на всех.

(Три служанки вскакивают из-за стола, три дочери следуют их примеру).

КРАЙТОН. Милорд!

ЛОРД ЛОУМ. Решение принято.

ЭРНЕСТ. Я полностью с ним согласен.

ЛОРД ЛОУМ. А теперь, друзья мои, я бы хотел дать вам один совет, поделиться житейской мудростью, и, надеюсь, вы подумаете об этом в мое отсутствие. Эту пословицу я впервые услышал много лет тому назад. Никогда ее не забывал. Она постоянно служит мне путеводной звездой. Эта пословица, пословица эта, эта пословица, о которой я говорю...

Он бледнеет, стучит себя по лбу.

ЛЕДИ МЭРИ. Боже, как я понимаю, пословицу он забыл.

ЛОРД ЛОУМ (*в отчаянии*). Эта пословица... пословица, о которой я упоминал...

Увы, она ускользнула из памяти. Это катастрофа. В голову не приходит мысль о том, что надо бы сесть. Он ловит пословицу в воздухе. Слуги пытаются аплодировать, но пользы это не приносит.

ЛОРД ЛОУМ. Я ее вспомнил (*если бы*).

ЛЕДИ МЭРИ (*уверенно*). Крайтон!

Он ее не подводит. Прежде всего, отпускает слуг. Уходят они в том же порядке, в каком и появились. Через несколько мгновений их уже нет. Потом дает знак мистеру ТРИЭРНУ и вдвоем они уводят лорда ЛОУМА. Тот по-прежнему пытается ловить руками мух, все также бормочет: «Пословица... эта пословица», – но благодаря стараниям КРАЙТОНА не теряет достоинства, выглядит, как пэр. А дамы после его ухода получают возможность выразить свое негодование.

ЛЕДИ МЭРИ. Одна служанка на трех взрослых женщин!

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. Мэри, пожалуй, я пойду. Эта девушка с кухни...

ЛЕДИ МЭРИ. Не могу тебя винить, Джордж.

Он отдает ей честь.

ЛОРД БРОКЛХОРСТ. Идеи вашего отца меня шокируют, и я рад, что не плыву с вами на яхте. Я не могу забывать о самоуважении, Мэри. А что скажет мама? Мы еще увидимся до отплытия, дорогая.

Он кланяется остальным и уходит.

ЭРНЕСТ. Эгоистичный хам, думает только о себе. Он-то речь не готовил. А моя пропала.

ЛЕДИ МЭРИ. Одна служанка на троих. Что же нам делать?

ЭРНЕСТ. Ерунда! Сами справитесь.

ЛЕДИ МЭРИ. Сами! Откуда мы знаем, где лежат наши вещи?

АГАТА. А тебе известно, что платья застегиваются на спине?

КЭТРИН. И как же мы сможем надеть туфли?

ЛЕДИ МЭРИ. Кто уложит нас в постель и поднимет? Как мы узнаем, что наступило утро, если никто не раздвинет шторы?

КРАЙТОН пересекает гостиную.

ЭРНЕСТ. Как его светлость?

КРАЙТОН. Чуть получше, сэр.

ЛЕДИ МЭРИ. Крайтон, пришли ко мне Фишер.

Он уходит.

ЭРНЕСТ. Мне вас совершенно не жаль, девушки. Я...

ЛЕДИ МЭРИ. Эрнест, уходи. Не добивай тех, у кого и так разбито сердце.

ЭРНЕСТ. Ухожу и с радостью. Всем привет. Он попросил меня сказать несколько слов. Я пришел сюда, чтобы сказать несколько слов. И я не уверен, что не обижусь на него.

Он уходит, и девушки остаются со своими тревожными

мыслями.

ЛЕДИ МЭРИ (*наконец-то становится матерью для младших*). Мои бедные сестрички, подойдите сюда (*они подходят, в недоумении*). Этот удар должен сблизить нас. Я обещаю во всем вам помогать. Сейчас я совершенно не могу думать о себе.

АГАТА. Как это на тебя не похоже, Мэри.

ЛЕДИ МЭРИ. Мой долг – оберегать моих сестер.

КЭТРИН. Агата, я никогда не слышала от нее таких сладких речей. (*Осторожно*). И что ты предлагаешь?

ЛЕДИ МЭРИ. На яхте я буду одалживать вам Фишер, когда смогу обходиться без нее.

АГАТА. Фишер!

ЛЕДИ МЭРИ (*самая властная из всех троих*). Естественно.

АГАТА. Никто и ничто на свете не заставит Фишер шевельнуть пальцем ради меня или Кэтрин.

ЛЕДИ МЭРИ. Этого я и боялась, Агата. Вот почему мне так тебя жаль.

Обмен любезностями прерывает появление ФИШЕР.

ФИШЕР. Да, миледи.

ЛЕДИ МЭРИ (*холодно, хотя другие могли попытаться пустить в ход лесть*). В последнее время твоя работа меня устраивала, Фишер, и, чтобы показать тебе мое благорасположение, я решила, что именно ты будешь сопровождать нас в этом плавании.

ФИШЕР (*ледяным тоном*). Благодарю, миледи.

ЛЕДИ МЭРИ. Это все. Ты можешь идти.

ФИШЕР. С вашего дозволения, миледи, я хочу подать заявление об уходе.

КЭТРИН и АГАТА ахают, но леди МЭРИ так просто не проймешь.

ЛЕДИ МЭРИ (*берет книгу*). Да, конечно... ты можешь идти.

КЭТРИН. Но почему, Фишер?

ФИШЕР. Я не могу прислуживать троим, миледи. У нас так не принято (*в негодовании обращается к леди МЭРИ*). Миледи, даже от одной мысли об этом...

ЛЕДИ МЭРИ (*поднимает голову*). Кажется, я сказала, что вы можете идти, Фишер.

ФИШЕР на мгновение застывает в нерешительности, потом уходит. Леди МЭРИ тут же отбрасывает книгу и плачет. Она – красивая женщина, но пока эти слезы – единственное, что мы видели в ней красивого.

АГАТА (*ехидно*). Это послужит тебе хорошим уроком.

Входит КРАЙТОН.

КЭТРИН. Все-таки с нами поедет Симмонс. Пригласите ее ко мне.

КРАЙТОН (*после паузы*). Миледи, позвольте сказать.

КЭТРИН. Что такое?

КРАЙТОН. Как мне стало известно, Симмонс подает заявление об уходе. По той же причине, что и Фишер.

КЭТРИН. Ох!

АГАТА (*торжествующе*). Тогда, Кэтрин, мы возьмем Жанну.

КРАЙТОН. Жанна тоже, миледи.

Леди МЭРИ читает, безразличная ко всему, но ее сестры не стыдятся показать КРАЙТОНУ, что они в отчаянии.

АГАТА. Мы не можем их винить. Какая служанка будет уважать себя, если согласится обслуживать троих?

ЛЕДИ МЭРИ (*с чуть заметным интересом*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.